

ДОСТОЕВСКИЙ О ХРИСТЕ И ИСТИНЕ

Вряд ли я ошибусь, если предположу, что ни одно из суждений Достоевского не вызывает столько недоумений и споров, сколько вызывают широкоизвестные его слова о Христе и истине

Впервые это суждение было высказано Достоевским в письме к Н Д Фонвизиной 1854 г Приведу его в широком контексте, что существенно

«Я скажу Вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки, — пишет Достоевский своей корреспондентке — Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен, в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято Этот символ очень прост, вот он верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28₁, 176)

Поразительны признания писателя о присущей ему огромной жажде веры и о мучительных религиозных сомнениях, среди которых личность Христа выступает как якорь спасения, как путеводная звезда «Символ веры» молодого Достоевского зиждется на признании нравственного и эстетического совершенства Христа, этого «вековечного от века идеала, к которому стремится и по законам природы должен стремиться человек» (20, 172) Христос предстает как воплощение и критерий совершенных Нравственности, Добра и Красоты, а тем самым и воплощением абсолютной, вечной, высшей Истины, противостоящей всем относительным, временным, переходящим истинам Самый факт апелляции Достоевского к математическому (см далее) доказательству, бессильному, как известно, в делах веры, и служит свидетельством, что в данном случае речь идет о вполне реальной, земной истине

На констатации этих общих соображений можно бы и закончить, если бы суждение молодого Достоевского о Христе и истине

было единичным. Однако писатель почти буквально повторяет эту мысль в последующие годы. Очевидно, она не была случайной.

Обратимся к роману «Бесы». Ставрогин принадлежит к числу духовно и нравственно раздвоенных героев Достоевского, к тем русским широким, «карамазовским» натурам, которые способны «вмещать всевозможные противоположности и разом созерцать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения» (15, 129). И в своем первом качестве — в качестве философа и диалектика, способного созерцать «бездну высших идеалов», — Ставрогин в романе и в подготовительных к нему материалах выражает некоторые излюбленные идеи самого Достоевского. Таковы идеи о необходимости для развития самобытной нации великого религиозно-нравственного идеала, о русском народе-«богоносце», призванном обновить нравственно больную Европу, о католицизме, «поддавшемся» на «третье дьяволово искушение» и исказившем «образ истинного Христа», и др. (Вспомним «Дневник писателя» 1870-х — начала 1880-х гг.).

К подобным же дорогим Достоевскому идеям относится и суждение о Христе и истине, высказанное в романе Ставрогиным.

«. . . не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали Вам, что истина вне Христа, то вы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?» — спрашивает Ставрогина Шатов (10, 198).

Характерно, что суждение о Христе и истине в диалоге Шатова и Ставрогина дано, как и в приведенном письме Достоевского к Н. Д. Фонвизиной, в контексте идей о вере и неверии, о Христе как высшем нравственно-эстетическом идеале и ориентире среди всех сомнений и колебаний.

Последнее из известных мне суждений Достоевского о Христе и истине приведено в черновых набросках к «Дневнику писателя» за 1881 г., намечающих полемику Достоевского с К. Д. Кавелиным о связи убеждений, поступков и веры с нравственностью.

Приведу высказывание о Христе и истине в контексте этой полемики, что очень важно.

«Совість без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного. Недостаточно определять нравственность верно-стью своим убеждениям (позиция К. Д. Кавелина. — Н. Б.). Надо еще непрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна — Христос, но тут уж не философия, а вера < . . . > Сожигающего еретиков я не могу признать нравственным человеком, ибо не признаю ваш тезис, что нравственность есть согласие с внутренними убеждениями. Это лишь *честность* (русский язык богат), но не нравственность. Нравственный образец и идеал есть у меня, дан, Христос. Спрашиваю: сжег ли бы Он еретиков — нет. Ну так значит сжигание еретиков есть поступок безнравственный. < . . . > Инквизитор уж тем одним безнравственен, что в сердце его, в совести его могла ужиться идея о необходимости сожигать людей. Орсини тоже. Конрад Валленрод тоже. < . . . > Подставить

ланиту, любить больше себя — не потому, что полезно, а потому, что нравится, до жгучего чувства, до страсти Христос ошибался — доказано¹ Это жгучее чувство говорит лучше я останусь с ошибкой, со Христом, чем с вами < > *Нравственно* только то, что совпадает с вашим чувством красоты и с идеалом, в котором вы ее воплощаете < > Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблуждаемся < > Инквизитор и глава о детях Ввиду этих глав вы бы могли отнестись ко мне хотя и научно, но не столь высокомерно по части философии, хотя философия и не моя специальность И в Европе такой силы атеистических *выражений* нет и *не было* Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла » (27, 56—57, 86)

Прежде всего хочется выделить слова об «осанне», прошедшей «через большое горнило сомнений» Это итог длительной и трудной религиозной эволюции писателя К сказанному же можно добавить, что Христос олицетворял для Достоевского не только совершенные Добро, Нравственность и Красоту, но и совершенную Любовь, верховную Совесть Поражает глубоко личное (полное благоговейной любви) отношение писателя к Христу В трудные жизненные ситуации, когда возникала проблема нравственного выбора и был необходим нелицеприятный суд совести, Достоевский мысленно обращался к Христу, чтобы представить, как в подобном случае поступил бы Христос (приведенные записи убедительно показывают это) Подобное личное отношение к Христу характерно для глубоко верующих людей

Но вступает ли, однако, подобный вывод в противоречие с реальным фактом противопоставления Христа и истины, встречающимся во всех трех приведенных высказываниях? Мыслима ли вообще для верующего человека допустимость подобного противопоставления? Как это противопоставление могло возникнуть? Прежде чем ответить на этот и другие «трудные» вопросы, выскажу некоторые соображения об источнике аналогии «Христос и истина»

Вряд ли я ошибусь, если предположу, что аналогия «Христос и истина» восходит к Новому Завету, и прежде всего к Евангелию от Иоанна, этому Евангелию Любви, столь чтимому писателем

Не ставя перед собой задачи дать исчерпывающий свод новозаветных текстов на эту тему, я обращаю внимание лишь на те из них, где непосредственно сопоставляются Христос и истина Это, в частности

Гл 1, ст 14 «И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины, и мы видали славу Его, славу как Единородного от Отца»

Ст 17 «Ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа»

¹ Здесь, очевидно, в смысле если бы даже доказали, что Христос ошибался

Гл. 8, ст. 32: «...и познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Ст. 40: «А теперь ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога: Авраам этого не делал».

Ст. 46: «Кто из вас обличит Меня в неправде? Если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне?».

Гл. 14, ст. 6: «Иисус сказал ему (Фоме. — Н. Б.): Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня».

Гл. 18, ст. 37—38: «Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

Пилат сказал ему: что есть истина?».

В этих евангельских текстах, хорошо знакомых Достоевскому, Христос и истина отождествляются.

Противопоставление Христа и истины в суждениях Достоевского носит полемический характер и направлено против западноевропейского и русского атеистического гуманизма XIX в., когда в сознании современников социальные истины вытеснили истины вечные, а теории некоторых «двигателей» и вождей человечества — учение Христа. На смену религии Богочеловека пришла религия человекобога (антропотейзм). В условиях религиозного кризиса, оптимистической веры в безграничный социальный прогресс, в способность человека, отрекшегося от Бога, построить «земной рай» на основе разума и науки и возникла возможность противопоставления Христу современных «двигателей человечества» как носителей подлинной человечности, противопоставления их философии и социальных теорий как истинно гуманных «ложному» и «мечтательному» учению Христа, христианскому гуманизму.

В «Дневнике писателя» за 1873 г. (глава «Старые люди») Достоевский вспоминает споры в кругу Белинского в середине 1840-х гг. о Христе, христианстве, социализме и «истинных» «двигателях человечества».

«Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма, — пишет Достоевский о Белинском, — (<...> Выше всего ценя разум, науку и реализм, он в то же время понимал глубже всех, что одни разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную „гармонию“, в которой бы можно было ужиться человеку. Он знал, что основа всему — начала нравственные. В новые нравственные основы социализма (<...> он верил до безумия и безо всякой рефлексии; тут был один лишь восторг. Но, как социалисту, ему прежде всего следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма. Ему надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества (<...> он верил всем существом своим (<...>), что социализм не только не разрушает свободу личности, а, напротив, восстанавливает ее в неслыханном величии, но на новых и уже алмазных основаниях. Тут оставалась,

однако, сияющая личность самого Христа, с которой всего труднее было бороться. Учение Христово он, как социалист, необходимо должен был разрушать, называть его ложным и невежественным человеколюбием, осужденным современной наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресветлый лик Богочеловека, Его нравственная недостижимость, Его чудесная и чудотворная красота. Но в непрерывном, неугасимом восторге своем Белинский не остановился даже и перед этим неодолимым препятствием, как остановился Ренан, провозгласивший в своей полной безверия книге „*Vie de Jésus*“,² что Христос все-таки есть идеал красоты человеческой, тип недостижимый, которому нельзя уже более повториться даже и в будущем» (21, 10—11).

Достоевский приводит мнение Белинского, что Христос, «если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стусевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества» (там же, 11). В кругу Белинского высказывалось также мнение, что Христос примкнул бы к социалистам и пошел с ними. В числе «двигателей человечества», к которым предназначалось примкнуть Христу, упоминались среди прочих утопические социалисты, Фейербах, Прудон.

Критикуя абстрактный характер современного социального гуманизма с его отвлеченной любовью к человечеству и пренебрежением к интересам отдельной личности, Достоевский писал: «Но зато мне вот что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново — то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что всё здание рухнет, под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено. Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов. Это аксиома. Европа, по крайней мере в высших представителях своей мысли, отвергает Христа, мы же, как известно, обязаны подражать Европе» (там же, 132—133).

В последних словах по существу выражено убеждение Достоевского, что вне Христа нет истины и что даже высокая социальная идея, осуществленная принудительно и в разрыве с религиозно-нравственным абсолютом, неизбежно исказится и обратится в свою противоположность.

Выскажу некоторые соображения по поводу той великой социальной идеи атеистического гуманизма, которую мог подразумевать Достоевский и превосходство которой над учением Христа ее апологеты готовы были доказать математически.

Думаю, что это идея о хлебе земном, о необходимости накормить голодных и обездоленных и связанная с ней программа насильственного построения «земного рая», в котором все будут сыты и счастливы. Именно идею «земного рая» («земного царства») — как альтернативу Царству небесному — атеистический гуманизм противопоставляет христианству. Достоевский-петрашевец в молодом

² «Жизнь Иисуса» (франц.).

сти сам прошел через соблазн этой идеи, она была им глубоко выстрадана.

Как и все коренные проблемы человеческого бытия, Достоевский решает проблему «хлебов», обратившись к Христу и Новому Завету. Символ «камни и хлебы», «камни, обращенные в хлебы» (точнее: камни, не обращенные в хлебы), наполненный глубочайшим религиозно-нравственным и философским содержанием, проходит через все творчество зрелого Достоевского и получает гениальную трактовку в «Братьях Карамазовых» (поэма «Великий инквизитор»).

Евангельское предание об искушении Христа дьяволом в пустыне Достоевский использует для осмысления исторических судеб человечества, для размышления над узловыми вопросами христианства и социализма.

Символ «камни и хлебы» восходит к первому искушению Христа дьяволом в пустыне:

«И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами.

Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф., 4, 3—4; Лк., 4, 3—4).

Христос, насытивший, согласно Евангелию, пятью хлебами пять тысяч, отказался в данном случае превратить камни в хлебы, ответив: «Не хлебом одним будет жить человек. . .», т. е. высказал мысль о приоритете духовного начала в человеке, приоритете «хлеба небесного» перед «хлебом земным»: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий. . .» (Ин., 6, 27).

В романе «Подросток» и в подготовительных к нему материалах идея «обратить камни в хлебы» квалифицируется как великая, но второстепенная: «Телеги, подвозящие хлеб человечеству. Это — великая идея, но второстепенная и только в данный момент великая. Ведь я знаю, что, если я обращу камни в хлебы и накормлю человечество, человек тотчас же спросит: „Ну вот, я наелся; теперь что же делать?“» (16, 78).

Или другая запись:

«Общество основывается на началах нравственных; на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы — ничего не основывается. . .» (16, 431).

По мнению Достоевского, «высшая идея на земле *лишь одна* и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные „высшие“ идеи жизни, которыми может быть жив человек, *лишь из нее одной вытекают* (. . .) Словом, идея о бессмертии — это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» (24, 48—50).

И в этом понимании высшей идеи человеческого бытия Достоевский также следует за Христом: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф., 6, 33).

В центре поэмы «Великий инквизитор» — суд над Христом с точки зрения атеистического гуманизма и социализма.

Великий инквизитор по-своему любит и жалеет людей. Он убежден, что человечество в своей основной массе — «слабое, вечно порочное и вечно неблагородное людское племя» (14, 231), которому не под силу высокие нравственные требования Христа и свобода нравственного выбора. Оно всегда предпочтет «хлеб земной» (материальные блага) «хлебу небесному». Великий инквизитор и другие «избранные», «подправив» подвиг Христа, «из человеколюбия» устраивают «счастье» этих слабосильных существ обманым путем, на основе «чуда, тайны и авторитета», отвергнутых Христом. «И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят наконец столь страшный дар (свобода нравственного выбора. — Н. Б.), принесший им столько муки» (там же, 234).

Великий инквизитор, осудивший Христа за то, что Он отверг первое дьяволово искушение и не превратил камни в хлебы, относит идею «хлебов» к числу тех идей, которые способны разрушить храм Христа.

«. . . знаешь ли, — говорит Великий инквизитор Христу, — что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли, и сразится с Тобою, и победит Тебя, и все пойдут за ним, восклицая: „Кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небеси!“ < . . . > „Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!“ — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится храм Твой» (там же, 230).

Оригинальное раскрытие символа «камни и хлебы» дано Достоевским в его письме к В. А. Алексееву от 7 июня 1876 г. Письмо это — ценнейший автокомментарий к религиозно-философскому содержанию поэмы «Великий инквизитор». В письме, как и в поэме, звучит диалог между атеистическим и христианским гуманизмом и противопоставляются два взгляда на человека. Предоставим слово обеим сторонам.

«. . . „Ты — Сын Божий, стало быть, Ты всё можешь. Вот камни, видишь, как много. Тебе стоит только повелеть — и камни обратятся в хлеб.

Повели же и впредь, чтоб земля рождала без труда, научи людей такой науке или научи их такому порядку, чтоб жизнь их была впредь обеспечена. Неужто не веришь, что главнейшие пороки и беды человека произошли от голоду, холоду, нищеты и из всевозможной борьбы за существование“.

Вот 1-я идея, которую задал злой дух Христу. Согласитесь, что с ней трудно справиться. Нынешний *социализм* в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о *хлебе*, призывает науку и утверждает, что причиной всех бедствий человеческих одно — *нищета*, борьба за существование, „среда заела“ » (29₂, 84—85).

Такова в представлении Достоевского точка зрения социалистов и — шире — атеистического гуманизма, которую Великий инквизи-

тор выразил словами «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели»³

Какова же в понимании Достоевского позиция Христа, отвергнувшего «соблазн о хлебе»?

«На это Христос отвечал „не одним хлебом бывает жив человек“, — то есть сказал аксиому и о духовном происхождении человека Дьяволова идея могла подходить только к человеку-скоту, Христос же знал, что хлебом одним не оживишь человека. Если притом не будет жизни духовной, идеала Красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет, убьет себя или пустится в языческие фантазии. А так как Христос в Себе и Слове Своем нес идеал Красоты, то и решил лучше вселить в души идеал Красоты, имея его в душе, все станут один другому братьями и тогда, конечно, работая друг на друга, будут и богаты. Тогда как дай им хлеба, и они от скуки станут, пожалуй, врагами друг другу» (там же, 85)

На закономерно возникающий вопрос почему же нельзя было «дать и Красоту и хлеб вместе»? — Достоевский дает следующее объяснение «Тогда будет отнят у человека *труд, личность, самопожертвование своим добром ради ближнего* — одним словом, отнята вся жизнь, идеал жизни. И потому лучше возвестить один свет духовный» (там же)

Было бы, однако, большой наивностью предположить, что Достоевский вообще отрицал необходимость «хлеба земного». В одной из черновых заметок 1880 г он пишет «Еще в Евангелии сказано () самим Христом „Не одним хлебом будет жив человек“. Значит, наравне с духовной жизнью признано за человеком полное право есть и хлеб земной» (26, 220)

Однако писатель неустанно напоминал о приоритете духовного начала в человеке над началом материальным, как бы предвидя, к каким пагубным последствиям может привести наше общество забвение этой евангельской истины.

Социальный прогресс Достоевский, как известно, связывал с идеей духовного и нравственного обновления как отдельной личности, так и общества в целом «Были бы братья, будет и братство, — писал Достоевский в 1880 г — Если же нет братьев, то никаким „учреждением“ не получите братства. Что толку поставить „учреждение“ и написать на нем „Liberte, egalite, fraternite“? ⁴ Ровно никакого толку не добьетесь тут „учреждением“, так что придется — необходимо, неминуемо придется — присовокупить к трем „учредительным“ словечкам четвертое „ou la mort“, „fraternité ou la mort“, ⁵ —

³ В «Дневнике писателя» за 1873 г (статья «Старые люди») Достоевский приводит близкое по смыслу суждение Белинского «— Да знаете ли вы, — взвизгивал он раз вечером () обращаясь ко мне — знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведен к злодейству, и что нелепо и жестоко требовать с человека того, чего уже по законам природы не может он выполнить, если б даже хотел » (21, 11)

⁴ «Свобода, равенство, братство» (франц)

⁵ «или смерть», «братство или смерть» (франц)

и пойдут братья откалывать головы братьям, чтоб получить чрез „гражданское учреждение“ братство» (там же, 167).

В заключение отметим, что письмо к В. А. Алексееву может служить еще одним подтверждением нашего вывода, что именно в Христе и Его Слове Достоевский видел самую главную для человека и непреходящую истину.